

Религиоведческая экспертиза в свете общенаучных принципов

[Екатерина Элбакян](#)

Публикуем статью религиоведа, доктора философских наук, профессора Академии труда и социальных отношений Екатерины Элбакян, проанализировавшей роль религиоведческой экспертизы в резонансных судебных процессах, касающихся религиозных организаций, а также принципы, на которых должна основываться такая экспертиза.

«Admonere volumus, non

mordere; prodesse non

laedere; consulere moribus

bominum, non otticere»

Erasme

«Мы намеревались предупредить, но не обидеть,

принести пользу, но не ранить,

улучшить нравы людей, но не оскорбить человека»

Эразм Роттердамский

«Votta a petrella, e tira a manella»

(«Кидай камень и прячь руку за спину»).

Венецианская поговорка

«Власть ключей»^[1]

Любые знания и информация могут передаваться различными путями – фонетически, то есть через набор звуков устной речи (если письменности нет или, в силу тех или иных причин, она не используется); знаково – через написанный буквами (знаками) текст на каком-то носителе – глиняных табличках, папирусе, бумаге, ну а теперь еще и на «электронных носителях», не всегда предполагающих «бумажные версии»; наконец, символически, когда смысл той или иной информации зашифрован либо в неких «изобразительных» символах, либо в контексте, выступающем в роли символа. В последнем случае, вольно или невольно, для постижения подлинного смысла текста читатель вынужден прибегать к ряду герменевтических процедур, вплоть до эмпатии, т.е. «вчувствования» в текст, когда лежащие на поверхности сведения, заключенные в нем, совершенным образом преобразуются и обретают глубокий, зачастую иной, смысл в процессе осознания контекста. Именно этот смысл, как правило, и выступает «ключом» к пониманию всего текста (в широком смысле) как некоего осмысленного набора знаков и символов.

Особое место, в этой связи, принадлежит сакральному тексту, выступающему своего рода посредником между верующим человеком и тем священным, которому он поклоняется. Религиозное сознание, будь то глубоко потаенное чувство, смутное представление или отчетливая идея, нуждается в словесном выражении. Закрепленные в словах религиозные чувства,

представления и идеи становятся основой вероучений, объединяющих единоверцев в религиозные группы, сообщества, конфессии и религии.

Вербальный пласт религий выражается в устной традиции (народные поверья, поучения, проповеди, наставления и т.п.), в священных текстах и церковных преданиях, в теологических и религиозно-философских трактатах. Он постоянно изменяется; некоторые его части устаревают и отмирают, другие уточняются и наполняются новым смыслом. Время от времени появляются новые слова и термины, отражающие изменения в религиозном сознании и соответствующие духу времени. Этот бесконечный, по сути, процесс явственно прослеживается в многочисленных комментариях к священным текстам, глоссариях, словарях, справочниках, энциклопедиях. Изучение данной литературы позволяет проследить развитие религиозной мысли, ее историю и современное состояние.

Вместе с тем большинство сакральных текстов остаются древними, и их прочтение и восприятие современным человеком существенно отличается от их понимания людьми других эпох. В этом смысле каждый текст проживает множество жизней, в то же время являясь опорой для множества жизней. Из книги могут делаться и делаются разнообразные, зачастую прямо противоположные, выводы – все зависит от точки зрения читающего и интерпретирования им прочитанного. Глубинный, очищенный от исторически ограниченных деталей, смыслообразующий элемент любого текста, его «ключ», остается своим для каждого – с одной стороны, и, в то же время, претендующим на некую всеобщность – с другой. Такая вот «власть ключей».

Дабы не навлечь обвинений в «солипсизме», замечу, что, безусловно, понимаю всю важность акцентирования внимания на объективности текста, когда порой он, вообще оторвавшись от своего автора, начинает жить собственной жизнью, приводя к тем последствиям, которые автор вовсе не подразумевал. Тем не менее, субъективное восприятие играет важнейшую роль в существовании и развитии, в судьбе текста, в том числе, конечно, и сакрального.

В последние годы по России прокатилась волна судебных процессов, связанных с сакральными текстами и литературой различных религий. Это и [процесс](#) в Томске над книгой «Бхагавад-гита как она есть», считающейся у верующих священным текстом, поскольку в нем представлены комментарии основоположника Международного общества сознания Кришны – ачарьи Свами Прабхупады, и шок для исламских религиозных организаций, которым стало [решение](#) Октябрьского районного суда в Новороссийске о запрете на смысловой перевод священного для них Корана на русский язык, выполненный Эльмиром Кулиевым. Следует добавить сюда и ряд религиозных изданий Свидетелей Иеговы, регулярно пополняющих [Федеральный список экстремистских материалов](#) Министерства юстиции РФ в результате судебных решений. Количество пунктов списка к началу декабря 2015 года перевалило за 3152 наименования. Из ряда религиозных текстов в этот документ попали и отдельные книги, брошюры, журналы Свидетелей Иеговы, отдельные труды Рона Л. Хаббарда, которые воспринимаются его последователями – саентологами – священными. Апогеем борьбы с сакральными текстами на сегодня стало обращение в прокуратуру Санкт-Петербургского адвоката на предмет «экстремизма» Библии.

Как правило, поводом к обвинению религиозной литературы в проповеди религиозной исключительности и экстремистских действиях против верующих других исповеданий или неверующих становятся вольные интерпретации вырванных из контекста фраз или попросту незнание элементарных основ вероучения и культовой практики того или иного религиозного направления.

Тут опять же утерян «ключ». Потому что если его найти, то можно понять, что религиозному сознанию вообще свойственны и удвоение мира на поту- и посюсторонний, и дихотомия посюстороннего мира на своих единоверцев и всех остальных людей. Эта характерная

особенность всех религий определяет позиции любых религиозных организаций – от совсем малочисленных до мировых. У некоторых религиозных направлений это отчетливо видно даже из самих названий. Например, византийские христиане нарекли себя *православными*, а римские – *католиками* (греч. *католикос* – вселенский, всеобщий). Приверженцы ислама именуют себя *правоверными*. Есть в России и *Истинно-православная церковь*.

Обратившись к истории религий, нетрудно заметить, что с момента их зарождения до настоящего этапа развития в каждой из них отчетливо прослеживается позиция, утверждающая истинность исключительно самой себя, где все призывы к борьбе с иноверцами – с язычниками в раннем христианстве, неверными – в исламе, брахманистами – в буддизме, не говоря о протестантско-католических разногласиях эпохи Реформации, выражались либо в военных, либо, как при православно-католических разногласиях, в богословско-догматических диспутах.

Почти в каждой проповеди Иисуса Христа, зафиксированной в той части Библии, которая называется Новым Заветом, подчеркивается непохожесть его веры на все прочие – в частности, на иудейскую и языческую, которым противопоставляется новозаветное учение. Вся история формирования и утверждения мировых религий – христианства, буддизма, ислама, – была связана с жестким утверждением их основателями – Иисусом, Буддой и Мухаммадом – исключительной истинности только своих вероучений и призыва сторонников к их защите любым путем.

Критика традиционных христианских церквей и иных религиозных организаций является составной частью непрерывных межрелигиозных споров, в которых участвуют в той или иной степени все религии и религиозные направления мира. Но, представляя собой особый аспект религиозного бытия, могут ли эти споры рассматриваться как «разжигание религиозной розни, вражды и ненависти»? Кроме того, справедливо ли такие споры вменить в вину лишь отдельным религиозным направлениям?

Только закономерность, при которой сторонники той или иной религии истинной считают лишь ее, а все прочие – в разной степени заблуждениями, мотивирует их миссионерскую работу через распространение информации – проповеди (письменной и устной) о своей религии. Без этого религии не могут ни хранить свои традиции, ни рассчитывать на развитие, да и на само существование.

Интересно, что апостолы и члены раннехристианских общин, как свидетельствует о том история, весьма успешно убеждали язычников и иудеев в истинности своей религии. Именно в этот апостольский период они во многом продвинулись на пути ассимиляции с культовыми практиками язычества или теологическим осмыслением отдельных проблем в иудаизме, без чего было невозможно ни культовое, ни теологическое развитие христианства в целом.

Момент зарождения и первоначального оформления той или иной религии, как правило, находит отражение в ее сакральных текстах, содержащих изначальный «ключ» этой религии. Непонимание этого «ключа» не дает права на его конструктивную критику, а тем более отрицание или осуждение, которые, зачастую, имеют место сегодня. Священные для религий тексты и издания зарегистрированных в России религиозных организаций заведомо не могут рассматриваться через призму поиска в них призывов к экстремистским и иным противозаконным действиям. Они могут быть только объектом для поиска смыслообразующего «ключа». Лишь тогда «власть ключей» может подарить неутомимому искателю «ключ власти».

Судебные аллюзии

Одним из нашумевших судебных дел последних лет является так называемое «дело 16-ти», первый судебный процесс по которому длился с 2011 года и завершился в Таганроге 30 июля 2014

года. Речь идет об [осуждении](#) 16 Свидетелей Иеговы за экстремистскую деятельность в соответствии со ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства).

Требую максимального срока наказания, в соответствии с ч. 1 ст. 282 УК РФ, прокуроры обвиняли верующих в создании преступной группы, вовлечении в нее несовершеннолетних, унижении других религий (!) и т.п. При этом четыре старейшины собрания (общины) Свидетелей Иеговы выступали, с точки зрения прокуроров, организаторами преступной группы, а остальные верующие – ее членами.

Итогом, несмотря на то что все аргументы прокуратуры были разбиты и адвокатами и приглашенным специалистом-религиоведом, стал приговор семерым обвиняемым, четверо из которых получили условные сроки от 5 до 5,5 лет, остальных обязали выплатить штрафы. Девять обвиняемых были оправданы.

Непропорциональная мера наказания, вынесенная людям, не совершившим правонарушения.

В августе 2014 года приговор был обжалован одновременно и адвокатами Свидетелей Иеговы, и прокуратурой в Ростовском областном суде. 12 декабря 2014 года приговор был полностью [отменен](#) как в обвинительной части, так и в оправдательной части и 26 декабря 2014 года дело было снова направлено на повторное рассмотрение в Таганрогский городской суд. Начался новый виток мучений верующих, которые вместо того, чтобы ходить на работу, заниматься семейными делами, куда-то отъезжать – к родственникам или в командировку, – дни, недели, месяцы вынуждены были проводить в душном зале судебных заседаний. И вот 30 ноября 2015 года вынесен [новый приговор](#): троих обвиняемых приговорили к 5 годам и 6 месяцам условно, еще одного – к 5 годам и 3 месяцам тоже условного срока, 12 человек приговорены к штрафам, но освобождены от их выплаты из-за истечения сроков давности дела. Обоснование такому решению дала представитель прокуратуры Оксана Сухарева: «Судом установлено, что четверо организаторов экстремистской преступной группы, зная о том, что Ростовский областной суд признал религиозную организацию «Свидетели Иеговы» экстремистской и запретил ее деятельность в Таганроге, Неклиновском и Матвеево-Курганском районах Ростовской области, продолжали развивать ее деятельность. Кроме того, они вовлекли в запрещенную организацию несовершеннолетних».

Честно говоря, помимо множества вопросов, вызванных этим процессом, возникает один (самый простой): куда уходят деньги налогоплательщиков? На борьбу с верующими, принадлежащими к признанной государством религиозной организации? А почему не с бандитами, убийцами, казнокрадами?

Поскольку автор этих строк участвовала в качестве специалиста в данном и некоторых других аналогичных судебных процессах, в подготовке судебных и внесудебных экспертных заключений, наблюдая за всем происходящим как со стороны, в качестве эксперта-религиоведа, так и "изнутри", хотела бы поделиться некоторыми соображениями. В частности, относительно того, кто может выступать в качестве автора экспертного заключения и какими принципами и методическими процедурами подобное заключение должно регламентироваться (имея в виду исключительно сферу компетенции религиоведа).

Религиоведческая экспертиза как фактор, способствующий справедливости судебных решений

Типы экспертиз

В современной России все чаще приходится слышать о претензиях государственных органов к тем или иным религиозным организациям, в основном относящимся к так называемым «религиозным

меньшинствам». Следствием этого становятся судебные прецеденты, когда отдельные религиозные организации вынуждены, зачастую неоднократно, обращаться в суды различных инстанций, включая Европейский суд по правам человека, для решения возникающих у них проблем. Иногда обвинения против религиозных организаций выдвигает государство.

Немалую роль в подобных, как правило, весьма длительных судебных тяжбах играют, понятно, прокурор и адвокат, обычно слабо разбирающиеся в религиозной проблематике. Существенной помощью для них должно становиться мнение эксперта по рассматриваемому вопросу. Такое мнение, как квалифицированный специалист в той области, которая является предметом рассмотрения и в которой представители сторон менее компетентны, эксперт высказывает, как правило, в заключении судебной экспертизы. Кроме того, может быть использована и внесудебная экспертиза с вызовом эксперта в суд для допроса по ходатайству сторон защиты или обвинения.

Согласно Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (ФЗ №-73 от 31 мая 2001), **судебная экспертиза** – это «процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу».

Экспертиза считается судебной, если она назначена судом, либо по ходатайству сторон, участвующих в судебном разбирательстве, т.е. стороны обвинения, стороны защиты, истцом или ответчиком и, наконец, самим судьей, а иногда следователем. Выводы, содержащиеся в судебной экспертизе, являются доказательной базой при рассмотрении дела в суде и могут влиять на принятие судьей решения. Судебная экспертиза является частью процессуального действия, подпадающего под регулирование соответствующими нормами административного, гражданского и уголовного права, а автор судебной экспертизы (эксперт) несет уголовную ответственность за недостоверность содержания своего заключения.

Внесудебная экспертиза представляет собой исследование эксперта, проводимое с целью разрешения спорных ситуаций путем установления фактов. Такое исследование может провести только обладающий специальными знаниями в данной сфере профессионал. Внесудебная экспертиза не имеет того правового статуса, которым наделена судебная экспертиза, эксперт не несет уголовной ответственности за свои выводы. Однако она также может являться частью доказательной базы и основанием для вынесения судебного решения или для возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на такой принципиально важный момент, как нравственная ответственность эксперта за последствия выполненной им экспертизы. Это очень тонкий вопрос, поскольку юридическую ответственность установить гораздо проще. Моральную же ответственность квалифицировать сложнее. В данном случае могу сказать лишь одно: если за названием организации и ее институциональными структурами не видеть живых людей с их неповторимой личной судьбой, в которой религия играет значительную, а часто, особенно если речь идет о новых религиозных движениях, где религиозный опыт верующих очень интенсивный, основную роль, то говорить о нравственном сознании эксперта, увы, не приходится. «Росчерком пера» такой эксперт может разрушить жизни многих людей. Конечно, веру таким образом истребить нельзя, более того, она, как известно, лишь крепнет в испытаниях, но создавать заметные трудности социального бытия для последователей «нетитульных» религиозных направлений удастся и даже вполне успешно. Поэтому и видится столь важной личной моральной ответственностью эксперта по принципу «не навреди» – то есть утверждения истины и только истины.

Помимо статуса, экспертизы могут быть разделены на **первичные**, (проводимые впервые) и **вторичные** (повторные), которые проводятся в случае возникновения сомнения в обоснованности выводов первичной экспертизы. Помимо этого, впервые проводимая экспертиза является **основной**, но при ее недостаточности или возникновении новых обстоятельств, не рассмотренных в основной экспертизе, может назначаться **дополнительная** экспертиза.

Экспертизы подразделяются на **единоличные** (подготовленные одним специалистом) и **комиссионные** (проводимые группой экспертов), а кроме того, на **однородные** (в рамках одной отрасли знания) и **комплексные** (требующие для своего осуществления специалистов в двух и более отраслях знания). Естественно, что комплексная экспертиза всегда является комиссионной.

Религиоведческая экспертиза чаще всего бывает частью комплексной психолого-лингвистической комиссионной экспертизы. Однако она может быть и однородной, и единоличной, и комиссионной. Главное, что должно отличать религиоведческую экспертизу, это ее строго научный и независимый характер, что становится возможным при следовании определенным методическим стандартам.

Принципы научности

Независимая религиоведческая экспертиза должна носить строго научный характер и следовать определенным методическим стандартам. Здесь важно понимать, что религиоведение является наукой о религии, возникшей около 150 лет назад в Западной Европе и сформировавшейся вокруг предмета (различные стороны проявления религии в жизни человека и общества) и объекта (религия как социокультурный феномен) своего изучения с использованием при этом методов других наук (социологии, психологии, истории, этнологии, антропологии и др.).

В чем же заключается суть «научности»?

Классическая наука, в основе которой лежит механистическая картина мира, в качестве нормы провозглашает *объективность*, то есть соответствие наших представлений об объекте внешнего мира или о каком-то внешнем явлении самим этим объекту или явлению. Это, в свою очередь, предполагает элиминацию (устранение) субъекта, то есть отстраненность эксперта от своих личностных характеристик, мировоззренческих ориентаций, шкалы ценностей.

Возникшая на рубеже XIX–XX веков как следствие кризиса в физике в результате открытий на уровне микромира, в частности, квантовой механики, неклассическая наука опирается на познавательные способности субъекта. Следствием этого становится «допущение» субъекта в мир объектов, а идеи тождества восприятий и вещей, языка и реальности – являются весьма популярными во многих философских концепциях XX века. Эмансипация субъекта познавательной деятельности вызвала интерес к проблеме субъектности в целом, а взаимодействие индивидов в социальном процессе нашло отражение в актуализации проблемы «Я» и «Другой», в соответствии с решением которой выстраиваются не только модели межличностного взаимодействия, но и координации взаимодействия социальных групп и систем, в том числе и религиозных.

Постнеклассический этап в развитии современной науки, начавшийся в 1970-х годах, предполагает определенную интеграцию различных научных направлений, междисциплинарность научных исследований. Этому способствуют компьютеризация науки, предполагающая новые подходы к получению и хранению информации, невозможность решить ряд научных задач без комплексного использования знаний различных научных дисциплин, без учета места и роли человека в исследуемых системах. Поэтому постнеклассическая наука в определенном смысле способствует конвергенции естествознания и социально-гуманитарных наук.

Метод «объективного» или «внешнего» описания объектов и/или явлений, в первую очередь, социальных в этой связи был дополнен методом их изучения «изнутри» – с точки зрения людей, образующих социальные, в том числе религиозные структуры, и действующих в них. Здесь приоритетное значение остается за постижением (экспликацией) смысла, когда в качестве основной методологической процедуры используется не столько *объяснение* (как в естественных науках), сколько *понимание*. Недостаточным в данном случае является и описание исследуемых процессов, которое имеет большое значение в естествознании. Оно дополняется интерпретацией текста в широком значении этого понятия. Еще гностики говорили о важности интерпретации, исходя из того, что все мы видим одно и то же, но воспринимаем это по-разному.

Религиоведение как отдельная отрасль научного знания возникает в парадигме классической науки, объективность и беспристрастность для которой являются важнейшими критериями научности. Наука изучает только то, что существует само по себе и независимо от субъекта. Ее не интересует, почему это есть, что могло бы быть, что должно быть и насколько это хорошо или плохо. То есть, строго говоря, сослагательные и аксиологические суждения научный подход исключает.

В целом, наука базируется на доказательстве, поэтому для нее имеет смысл только то, что можно подтвердить или опровергнуть. На сегодняшний день научным сообществом признается ряд критериев научности, среди которых можно выделить следующие основополагающие принципы:

1. *Принцип верификации* (от лат. *verus* – истинный и *facere* – делать), в силу которого научным является только то знание, которое можно подтвердить. Этот принцип был предложен Берtrandом Расселом.

2. *Принцип фальсификации* (от лат. *false* – ложь и *facere* – делать), в силу которого только то знание является научным, которое можно изменить: опровергнуть или дополнить. Этот принцип предложен Карлом Поппером.

3. *Принцип объективности* – постулирования того, что принадлежит объекту и не зависит от субъекта, то есть тех явлений или процессы, которые не зависят от воли или желания познающего субъекта (отдельного ученого или научного сообщества).

4. *Принцип рациональности* (от лат. *ratio* – разум). **Рациональность** – относящееся к разуму, обоснованность разумом, доступное разумному пониманию, в противоположность иррациональности как чему-то неразумному, недоступному разумному пониманию. В методологии научного познания рациональность понимается двояко. Чаще всего она истолковывается как соответствие законам разума – законам логики, методологическим нормам и правилам. Иногда под рациональностью понимают целесообразность, некое целеполагание, предполагающее определенные логически выверенные шаги по достижению, поставленной цели. Рационально то, что способствует достижению цели, а то, что этому препятствует, – нерационально. Рождение феномена рациональности связывается с коренным реформированием европейской философии в Новое время, выразившимся в ее сциентизации и методологизации. Основоположником этой реформы принято считать Р. Декарта, призывавшего разум человека освободиться и от «оков мистики и откровения», и от рассудочной ограниченности схоластики.

5. *Принцип методичности* – последовательность логических процедур, заранее нацеленная на достижение определенной цели.

6. *Принцип истинности*, под которым подразумевают соответствие знания (шире – информации) познаваемому предмету (шире – объекту). На основе признака истинности формулируется дополняющий его признак **предметности** знания, а именно: всякое знание должно быть знанием

предметным, то есть характеризоваться отношением к существующему вне него познаваемому, ибо если нет познаваемого, то нет и знания.

7. *Принцип системности*: только та информация является научной, которая должным образом структурирована. Структуризация позволит легко определять ее роль и место в общей системе знаний, то есть обеспечивает возможность поиска нужной информации.

8. *Принцип изменяемости частей*: только та информация является научной, составные части которой можно изменить, то есть опровергнуть или дополнить.

9. *Принцип интерсубъективности* выражает свойство общезначимости, общеобязательности, всеобщности знания (шире – информации) в отличие, например, от мнения, характеризующегося необщезначимостью, индивидуалистичностью.

10. *Принцип аксиологической нейтральности*, предполагающий недопустимость вынесения оценочных суждений об исследуемом объекте.

Религиоведческая экспертиза в свете общенаучных принципов

В ряду различных типов экспертиз – лингвистической, психологической, искусствоведческой и др. важное место занимает религиоведческая экспертиза. Религиоведение является академической наукой. Ключевым принципом научной религиоведческой экспертизы является объективность, реальное достижение которой возможно лишь на позиции интерсубъективности и аксиологической нейтральности. Как отмечал западный исследователь религии М. Томпсон, «между наукой и религией есть знаменательное различие, которое заключается в том, что наука старается игнорировать личную реакцию ученого на изучаемый объект, тогда как неотъемлемой чертой религии является именно личная реакция» [2].

Рассматривая общенаучные принципы применительно к религиоведческой экспертизе, необходимо обратить внимание на следующий факт: только в случае применения общенаучных принципов при подготовке экспертных заключений, можно говорить о *действительно религиоведческой экспертизе*. Поскольку религиоведение – наука, отвечающая всем критериям научности, постольку религиоведческая экспертиза не может быть ни вненаучной, ни, тем более, антинаучной. При ее осуществлении эксперт обязан руководствоваться принципами верифицируемости, фальсифицируемости, объективности, рациональности, методичности, истинности, системности, изменяемости частей, интерсубъективности и аксиологической нейтральности.

Рассмотрим «работу» этих принципов на конкретном примере. Например, необходимо сделать экспертное заключение на тему, является ли некая община, провозглашающая себя религией, религиозной организацией. Помимо анализа ее правоустанавливающих документов, мы, применяя принципы научности, осуществляем религиоведческую экспертизу в соответствии с принятым в современном религиоведении пониманием: а) структуры религии; б) типологии религиозных организаций; в) классификации религий.

С позиций современного религиоведения, всем развитым религиям свойственна единая в принципе структура. Она включает в себя четыре основных элемента:

- ☐ Религиозное сознание;
- ☐ Религиозная деятельность;
- ☐ Религиозные отношения;
- ☐ Религиозные организации.

Остановимся на этих элементах подробнее, поскольку именно эта структура, принятая в религиоведении, должна лежать в основе религиоведческой экспертизы независимо от конкретной задачи, поставленной в том или ином случае перед экспертом.

Религиозное сознание, главной чертой которого является вера в реальное существование сверхъестественного, имеет два уровня быденный (религиозное сознание верующих людей) и концептуальный (теологические и религиозно-философские изыскания).

Религиозные отношения – это отношения между верующими людьми, складывающиеся как в процессе отправления культа – богослужений, религиозных праздников, обрядов и др. (культовые отношения), так и в других сферах деятельности – миссионерской, хозяйственно-экономической, издательской, просветительской и др. (внекультовые отношения). Помимо этого, в рамках религиозных отношений можно выделить два пласта: объективный – отношения между членами религиозной общины, и субъективный – отношение верующего человека к сверхъестественной силе.

Религиозная деятельность также бывает культовой и внекультовой. К культовой деятельности относится участие в различных сторонах отправления религиозного культа (религиозные праздники, ритуалы, церемонии, обряды, таинства). К внекультовой деятельности относится активность верующих и религиозной общины в целом в таких сферах, как миссионерство, милосердно-благотворительная, издательская, преподавательская и другие виды религиозной деятельности.

Религиозные организации включают три основных типа (хотя некоторыми исследователями их выделяется вплоть до 15 видов и подвидов): церковь, деноминацию и секту. Исследователями выделяются определенные признаки, которые свойственными тому или иному типу религиозной организации. Так, например, *церковь* – это тип религиозной организации, объединяющий последователей на основе общности вероучения и культа. Она обладает сложной строго централизованной и иерархизированной системой разделения на священнослужителей, которые проходят специальное обучение, и мирян. Их взаимодействия осуществляют функции выработки, сохранения и передачи религиозной информации; организации и координации религиозной деятельности; контроля за поведением людей. Принадлежность к церкви определяется, как правило, не свободным выбором человека, а традицией (семейной или государственной). Ее последователи в основном анонимны, т.е. отсутствует постоянное и строго контролируемое членство. Обычно церковь сотрудничает с государством или, по крайней мере, не противостоит ему.

Секта возникает в результате отделения от церкви части верующих, провозглашающих оппозицию традиции и господствующей церкви, а нередко и общественному порядку, государству. В современной социологии религии существуют следующие характеристики секты:

§ неприемлемость учения господствующей церкви;

§ претензия на исключительность своей роли в религиозном мире, своей доктрины и идейных принципов. С этим связаны мессианские настроения избранничества и тенденция к изоляционизму;

§ своеобразная трактовка или интерпретация священных книг и религиозных догматов;

§ харизматический характер лидерства организации;

§ готовность к отречению и разрыву с семьей, обществом и установленным бытом и связанная с этим установка на жертвенность и страдание;

§ религиозная мечтательность и идеализация будущего;

§ активная миссионерская деятельность и прозелитизм новых адептов своего учения;

§ сравнительно небольшое количество последователей и постоянно контролируемое членство;

§ отсутствие деления на священнослужителей и мирян, а в ряде случаев всеобщее священство; провозглашение равенства всех членов организации;

§ фанатизм в отстаивании своей веры, нетерпимость и резкое неприятие других учений и т.п.

Одной из разновидной секты можно считать харизматический культ, имеющий те же основные черты, что и секта. Его специфика связана с тем, что ключевую роль здесь играет некая конкретная личность, признаваемая харизматичной (наделенной божественной благодатью) и зачастую воспринимаемая либо в качестве приближенного к божеству, либо даже самим божеством. Харизматический культ обычно малочислен и часто после смерти харизматического лидера прекращает свое существование. В нем наиболее отчетливо прослеживаются представления об исключительности, изоляционизме и мистицизме его последователей.

Деноминация – это промежуточный тип религиозной организации, соединяющей в себе черты церкви и секты. От церкви она заимствует относительно высокую систему централизации и иерархический принцип управления, отказ от политики изоляционизма. Проповедь избранности членов сочетается с возможностью спасения и духовного возрождения для всех. С сектой ее сближает принцип добровольности, постоянства и строгой контролируемости членства, претензия на исключительность установок и ценностей, идея богоизбранничества. От секты деноминацию отличает активное участие в светской жизни, эффективная экономическая деятельность, стремление перерасти в церковь или, по крайней мере, ею назваться.

Важно отметить, что данная типология, предложенная более ста лет назад протестантскими теологами Э. Трельчем и Р. Нибуром, эффективна исключительно в сфере академического религиоведения с присущей ему аксиологической нейтральностью, то есть при полном отсутствии негативных коннотаций в адрес того или иного типа религиозных организаций, существующих на протяжении всей истории существования развитых религий. Когда же речь о типе той или иной религиозной организации переходит в чисто юридическую плоскость, в частности, в сферу правоприменения, то данная типология перестает работать, ибо содержащееся в ней разделение на определенные типы никак не обозначено в сфере права. В соответствии с Законом № 25-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997), в юриспруденции существует иное деление религиозных организаций на централизованные и местные (ст. 8), на религиозные объединения и религиозные группы (ст. 7).

Рассматривая классификацию религий, мы также выделяем ряд признаков тех или иных классов религий и строго в соответствии с их наличием, независимо от личных симпатий и антипатий, относим ту или иную религию к ранним религиозным верованиям, к этнолокальным (народностно-национальным), мировым религиям или к новым религиозным движениям. Так, известно, например, что этнолокальным религиям свойственны политеизм, сложная обрядность с присущими ей жертвоприношениями, наличие профессионального жречества и т.д. В отличие от этого класса религий, мировым религиям свойственны универсализм, эгалитаризм, отмена сложных обрядов и жертвоприношений и т.д.

Аналогичным образом при типологии религиозных организаций, используя знания в сфере социологии религии, мы, анализируя те или иные черты религиозной организации, относим ее к церкви, деноминации или секте. Как и в случае религиоведческой экспертизы, мы применяем здесь научные принципы:

Верифицируемость – проверяем религиозную организацию на наличие в ней всех элементов религиозного комплекса – религиозного сознания, религиозных отношений, религиозной деятельности и религиозной организации как таковой.

Фальсифицируемость – мы подразумеваем, что полученное нами знание может видоизменяться и дополняться с учетом развития данной религиозной организации.

Объективность – наши представления о конкретной религиозной организации совпадают с ее основными свойствами и характеристиками. Мы ничего не придумываем, не приписываем ей и не умалчиваем ни о каких ее свойствах, не фальсифицируем полученную информацию и не «вырываем из контекста».

Рациональность – перед нами стоит определенная задача, которую мы решаем путем процедур, в основе которых лежат принципы формальной логики.

Методичность – мы логично и последовательно достигаем поставленной перед экспертным исследованием цели.

Истинность – в экспертном заключении мы представляем наши знания о данной религиозной организации соответствующими состоянию и функциям этой религиозной организации.

Системность – в экспертном заключении информация должна быть четко структурирована, что позволит сразу же определить то или иное свойство и характеристику религиозной организации.

Изменяемость частей предполагает возможности дополнения информации, содержащейся в экспертном заключении или замены каких-то его отдельных частей при сохранении целого, то есть общих выводов.

Интерсубъективность экспертного заключения указывает на то, что содержащаяся в нем информация о религиозной организации является общезначимой и свободной от личного мнения

Аксиологическая нейтральность, тесно связанная с интерсубъективностью, предполагает устранение субъективных пристрастий эксперта, а также констатацию и анализ конкретных фактов, свойств, отношений, характеристик религиозной организации. То есть предполагает некую элиминацию (устранение) субъекта (эксперта).

Ученый-религиовед будет следовать данным принципам при составлении экспертного заключения имплицитно, даже если они им не прорефлексированы специально. То же относится ко всем аспектам религиоведческой экспертизы, о которых говорится в приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 **«О государственной религиоведческой экспертизе»**. Так, в данном документе указывается, что «объектами экспертизы являются:

- а) учредительные документы религиозной организации, решения ее руководящих и исполнительных органов;
- б) сведения об основах вероучения религиозной организации и соответствующей ему практики;
- в) формы и методы деятельности религиозной организации;
- г) богослужения, другие религиозные обряды и церемонии;

д) внутренние документы религиозной организации, отражающие ее иерархическую и институционную структуру;

е) религиозная литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, выпускаемые и (или) распространяемые религиозной организацией».

Довольно странным в названном документе выглядит, например, разделение пунктов в и г, ибо и то и другое, с позиций религиоведения, относится к формам деятельности религиозной организации – культовой и внекультовой. В пункте б идет смешение вероучительных текстов с культовой практикой, что, напротив, нуждается в разъединении и вынесении в отдельные пункты – основы вероучения необходимо объединить с пунктом е – религиозная литература, где, собственно, они излагаются, а практику присоединить к пункту г. Также, как можно объединить, в принципе, пункты д и а, как «мирские» документы организации. Только в таком случае, с позиций научного религиоведения, объекты исследования будут четко структурированы, то есть будут использованы принципы системности и рациональности.

Далее в приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» читаем:

«4. Задачами экспертизы являются:

а) определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики»;

Думается, что определение религиозного характера организации должно проводиться по другому основанию – насколько данная религиозная организация соответствует структуре религиозного комплекса и обладает всеми его элементами.

«б) проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, относительно основ ее вероучения»;

Тут совсем непонятно, каким образом религиовед должен проверять «достоверность» сведений об основах вероучения религиозной организации, содержащихся в документах. То есть эксперт должен усомниться в том, что данная религиозная организация достоверно излагает основы своего вероучения, опираясь на сакральные тексты? Тогда как на самом деле она может иметь совсем иное вероучение, которое «тщательно скрывает», не помещает ни в какие письменные источники и тайно передает «из уст в уста»?... Таким образом, и вторая задача сформулирована некорректно.

«в) проверка соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам ее фактической деятельности».

Для исполнения этой задачи, видимо, необходимо «включенное наблюдение», которым пользовались антропологи и этнологи второй половины XIX века, приезжая к дикарям Океании и Полинезии и десятилетиями изучая их магические приемы. В условиях современной цивилизации такое не только вряд ли возможно, но откровенно неуместно.

«При проведении экспертизы могут быть разьяснены иные возникающие при осуществлении государственной регистрации и контроля за деятельностью религиозных организаций вопросы, требующие экспертной оценки».

Последняя фраза слишком неконкретна и может быть истолкована по-разному, вплоть до диаметрально противоположных и взаимоисключающих мнений, что могло бы быть удобным, в том числе, и для свободного манипулирования таким основанием в тех или иных целях.

Таким образом, объекты и задачи, сформулированные в приведенном документе Министерства юстиции РФ, не выдерживают критики с позиций научного религиоведения. Субъектом религиоведческой экспертизы, согласно тому же документу, является Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, председатель и подавляющее большинство членов которого не являются религиоведами. На мой взгляд, подобному Совету целесообразней состоять из религиоведов и юристов, специализирующихся в области государственно-религиозных отношений, стоящих на позициях объективности, толерантности, гармоничного единства в соблюдении общечеловеческих нравственных норм, тактичного отношения к верующим различных религиозных направлений, их ценностям, а также букве и духу закона. Лишь в таком случае экспертные заключения, утверждаемые Советом, будут иметь серьезный вес для религиозного, юридического и научно-религиоведческого сообществ. Таким образом, в просвещенном в целом обществе мнения экспертов будут вызывать уважение и восприниматься основанием для формирования беспристрастного отношения к объектам экспертных исследований и способствовать осуществлению справедливых судебных разбирательств, ибо только при таких условиях «*non rex est lex, sed lex est rex*» (лат. «не царь является законом, а закон – царем»).

[1] «Власть ключей» (лат. *Potestas Clavium*) – в христианской теологии символическое выражение апостольского преемства, право отпущения грехов, имеющее свои нюансы в различных конфессиях.

[2] Томпсон М. Философия религии. М., 2001. С.325.

<http://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/11/d33340/>